

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

ДЕВУШКА, НЕ УМЕЮЩАЯ
НЕНАВИДЕТЬ

Она изменила всю его жизнь...

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

**Девушка, не
умеющая ненавидеть**

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Девушка, не умеющая ненавидеть / А. Данилова —
«Автор», 2015 — (Эффект мотылька. Детективы Анны
Даниловой)

ISBN 978-5-699-82051-1

Григорий слушал доводы частного детектива и адвоката и спрашивал себя, возможно ли, чтобы короткая и, как ему казалось, ни к чему не обязывающая интрижка с соседкой обернулась для него тоской и одиночеством, а для Тамары, которую он любил, смертельной опасностью? Надо же было такому случиться: судьба затейливым образом подсунула ему альбом с семейными фотографиями Синельниковых, его соседей. Среди снимков затесался один, который привлек внимание Гриши настолько, что в дальнейшем решил его будущее. Роковое стечение обстоятельств? Или женщина, причинившая столько зла Тамаре, воскресла лишь затем, чтобы удалить свою соперницу, состряпав чудовищное по своему цинизму уголовное дело?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82051-1

© Данилова А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

1. Тамара. Январь, 2015 г.	6
2. Григорий. Август 2013 г.	11
3. Лариса. Январь 2015 г.	20
4. Тамара. Январь 2015 г.	26
5. Григорий. Январь 2015 г.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Данилова

Девушка, не умеющая ненавидеть

© Дубчак А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*«Если твоя сестра ужасно куда-то торопится, она непременно
наденет твой лучший свитер».*

Пэм Браун

1. Тамара. Январь, 2015 г.

Она с легкостью призналась мне, что убила своего мужа. Убила и избежала наказания. Не то что я. Мы посмотрели друг другу в глаза, словно проникая взглядами в наши судьбы, и поняли, что в это мгновение родилась наша дружба. Я даже подумала тогда, что она, эта прекрасная женщина открылась мне словно в благодарность за то, что я отсидела вместо нее. Вот такое странное у меня было чувство.

Конечно, выглядели мы весьма контрастно. Была зима, холодно. За окном мелькали белые январские пейзажи, плавилось бледное холодное солнце, черными частоколами проплывали озябшие леса. Моя соседка вошла в купе в роскошной шубке из чернобурки, в меховых сапожках, голову ее украшал красный кокетливый берет, в то время как на мне были черная кожаная куртка, джинсы и летние кроссовки.

Из-под берета ее выбивались светлые локоны, моя же голова со спутанной гривой стриженных чуть ниже мочек ушей волос была не покрыта, да и выглядела я так, как и должен выглядеть человек, сутки назад вышедший на свободу. Первые минуты этой самой свободы вскружили голову, как шампанское, но уже очень скоро это опьянение сменилось черной тоской, и я, оказавшись среди нормальных людей, в толпе на рыночной площади, где мне захотелось раствориться и затеряться, почувствовала себя чужой, другой. Я бы не удивилась тогда, увидев свое отражение в каком-нибудь грязненьком рыночном зеркале, к примеру, под навесом палатки, торгующей меховыми шапками: на моем лбу наверняка пульсировала бы розовым воспаленным рубцом надпись «ззчка».

То, что нас в купе ехало двое, оказалось счастьем, которое я смогла осознать лишь спустя время. И надо же было такому случиться, что мы в купе так до самой Москвы и ехали вдвоем.

Мою попутчицу звали Ларисой. Очень люблю это имя. И, если бы мне представилась такая возможность, сменила бы свое, не в меру яркое, как дешевая помада, имя «Тамара» на «Лору», «Ларису». Лариса – это красота, изящество, тайна, это перламутр, облитый позолотой и усыпанный изумрудами и сапфирами.

Она вошла, держа в одной руке новенький «луивюиттоновский» чемодан, украшенный чуть ли не золотом, другой прижимая к груди рыжую замшевую сумочку. Эта молодая дама благоухала сладкими духами, в то время как от меня пахло, я думаю, тюрьмой. Во всяком случае, такой грязной и дурно пахнущей я себя ощущала. И это несмотря на то, что, добравшись из Видима до Саратова, перед тем, как отправиться на вокзал, я посетила общественную баню и вымылась там как следует.

– Девушка, поезд скоро отправляется, – заметила я из своего угла, куда забилась, как мышь, – и в вагоне, я видела, полно пустых купе. Вы можете попросить проводницу, и она переселит вас подальше от меня.

У дамы округлились глаза. Она была очень удивлена моими словами.

– А в чем дело? – спросила она наконец, приблизившись ко мне, чтобы получше рассмотреть. – Вы что, заразная?

– Я вчера вышла из тюрьмы.

И вот тогда-то она, не выяснив подробностей, раскрылась передо мной, как раковина-беззубка.

– Подумаешь. Все люди немного преступники. Просто одним повезло больше, другим – меньше. Кто-то попался, а кто-то – нет. Вы понимаете меня?

Произнеся эти слова, она как-то очень уж спокойно принялась раздеваться, раскладывать свои вещи.

Я спросила себя, зачем я ей сказала, что вышла из тюрьмы. Какая в этом была необходимость? Я что, совсем рехнулась в камере?

Поезд еще не тронулся, а она уже захлопнула дверь, заперлась на металлическую защелку, переоделась, не обращая внимания на меня (и на стоящих за окном на перроне, в синих вечерних сумерках, провожающих), в широкие удобные штаны табачного цвета и тонкий черный свитер.

– Лариса, – она совсем неожиданно повернулась ко мне и протянула руку. Улыбка играла на ее красивом бледном лице. Большие темные глаза горели странным, загадочным светом.

– Тамара, – я легко пожала ей руку. – Вы извините... Сама не знаю, зачем я вам это сказала.

– Подумаешь... тюрьма. Я тоже преступница, мужа убила. Теперь вот вдовствую с большим удовольствием, денег столько, что не знаю, куда девать!

И засмеялась, просто захохотала тихо так, но заразительно. Я вдруг представила ее в компании, рассказывающую анекдоты. У нее это, должно быть, очень хорошо получается.

– Врете?

– Нет. Просто каждое преступление надо хорошенько обдумать, подготовиться, понимаете? И тогда ничего страшного не случится. Тамарочка, вы будете переодеваться или можно открыть дверь?

– У меня только то, что на мне надето, – призналась я. – Так что можете спокойно открывать.

Поезд к тому времени уже поплыл вдоль перрона, оставляя позади себя здание вокзала с горящими окнами, фигурки людей, темные склады, домишки, мрачные пустыри...

Лариса извлекла из чемодана бутылку с коньяком, после чего, легкая на подъем, сходила к проводнице за стаканами.

– Выпьем за знакомство?

У нее была чудесная улыбка. А взгляд пробирал до костей. Таким людям хочется довериться, вывернуться перед ними наизнанку, рассказать о себе всю правду. Да еще под стук вагонных колес!

Мы выпили. Быстро перешли на «ты». Решили пойти в ресторан – поужинать. Конечно, это была не домашняя еда, но вполне сносная. Жареная картошка, отбивная, салат.

– У меня есть витамины для лошадей, – сказала мне Лариса, с аппетитом уминая отбивную.

– Зачем они тебе? – Я пьянела от выпитого в купе коньяка, от сытной еды, от тепла и сознания того, что мне жутко повезло с попутчицей.

– Не мне, а тебе. Это такие витамины, чтобы у лошадей лучше росла грива. Умные люди используют их для роста человеческих волос. Приедем в Москву, остановишься у меня, и сделаем тебе маски для волос. Потом я познакомлю тебя с одной волшебницей, девочка-косметолог, она поколдует с твоей кожей. Я, конечно, не сидела в тюрьме, знаю ее только по фильмам, точнее, по сериалам, но все равно имею какое-то представление.

Это настоящий ад. И там тебе точно было не до внешности. Но я помогу тебе. Тебе кто-нибудь говорил, что ты красивая?

Стены ресторана поплыли, все закружилось перед глазами, и я оказалась в центре большого провинциального города Саратова, за стойкой ночного бара, с бокалом «Маргариты» в руке.

– Девушка, вам кто-нибудь говорил, что вы красивы?

Боже, как же давно это было!

Я повернула голову и встретила взглядом с мужчиной. Лет тридцати с небольшим. Он был, как мне тогда показалось, даже чем-то похож на меня. Черные волосы, синие глаза. Мы были с ним одной масти. Он был сильно пьян, смотрел куда-то мимо меня. Воротник его белой сорочки был расстегнут, синий с изумрудной полоской галстук свободно обвивал шею. Смуглая кожа в вырезе белой сорочки, темная кудрявая шерсть спускается к груди – вот на что я смотрела как-то очень долго, чтобы не утонуть в синих глазах.

– Я пьян. Но вы все равно очень красивая.

Я пожала плечами. Что тут ответишь? Был бы смысл во всем этом, а так он был слишком пьян. Все равно ничего не понял бы, не запомнил.

– Меня зовут Григорий, – он протянул мне руку, она была теплая, даже горячая. – Я потерялся. Верите?

– Как это?

– Ужасно глупо. Приехал с другом на рыбалку, он очень просил. На машине. Мы проехали тысячу километров. И вот, он рыбу ловит где-то на островах, а меня забыл в гостинице. Просыпаюсь – его нет. Голова трещит, в номере душно... Начал искать свою сумку с вещами – не нашел. Должно быть, оставил в машине друга. Ну, я спустился вниз, спрашиваю у девушки, где здесь можно купить приличную рубашку и брюки, она показала. Я купил вот эту рубашку, – он устало засмеялся, и я увидела его белые ровные зубы. – И брюки. Пришел сюда, потому что этот бар ближе всего к гостинице. И вот набрался по самые уши. Теперь презираю себя.

Я очень хорошо помню то время. Июль 2013 года. Я остывала после очередного бурного романа. Не хотела видеть мужчин, считала их недочеловеками. Но вот этого, с синими глазами и черными блестящими волосами захотелось иметь в своем доме просто как красивую вещь. Посадить в кресло и любоваться. Или лучше уложить в постель, предварительно раздев его. Всегда хотела обладать мужчиной как вещью.

Я допила свой коктейль и собиралась уже уйти, как снова услышала его голос:

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Какой? – Я все же подняла на него взгляд, мысленно поцеловала в тонкие губы.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы очень красивая?

– Теперь это уже не важно.

– Значит, говорил. А я повторю. Вы – необыкновенно красивая девушка. Вот только я не понимаю, что вы делаете одна здесь, в этом баре? Здесь почти пусто... Не поверю, что вы пришли сюда, чтобы просто выпить.

Он что-то еще говорил, но я его уже не слышала. Я вышла из бара в душную июльскую ночь. Время приближалось к полуночи. Позади был трудный, интересный день. Турбюро, в котором я работала, было раскрученным, процветало, и в сезон мы отправляли людей отды-

хоть за границу пачками! В тот день, к примеру, я успела продать двенадцать туров, оформить кучу документов, и это не считая проданных авиабилетов. Мне нравилась моя работа, я получала удовольствие от общения с людьми, и мне искренне хотелось им помочь, выбрать тур в соответствии с их желаниями и возможностями. Но больше всего мне нравилось рассказывать моим клиентам об Англии и Шотландии (моя страсть!), навязывая им маршруты по своему вкусу. И кто бы мог предположить, что в нашем городе найдется так много желающих потратить все свои сбережения на путешествия!

Работа отвлекала меня и от неприятных мыслей, связанных с моим бывшим парнем, который буквально за несколько дней до описываемых событий бросил меня, чтобы жениться на одной состоятельной даме, хозяйке сети кондитерских. Она была старше его на двенадцать лет, хотя и выглядела, надо отдать ей должное, очень даже неплохо. И все равно, все это было тяжело, унижительно, да просто невыносимо.

Я стояла на пустой ночной улице, задрав голову и разглядывая сверкающие звезды, когда кто-то подошел ко мне сзади и положил руки мне на плечи.

– Возьмите меня к себе... Не хочу в гостиницу...

Мужчина едва стоял на ногах.

Я вызвала такси, и мы вдвоем поехали ко мне.

* * *

– Его звали Григорием, – говорила я заплетающимся языком, чувствуя, как по моим щекам катятся слезы. – У него были синие глаза. Цвета июльского вечернего неба.

– Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? – Лариса нахмурила свои тонкие брови. – Он что, умер? Или это ты его убила?

– Бог с тобой, Лариса! Такие люди не умирают. Они превращаются в ангелов и улетают.

– Думаю, ты выпила слишком много коньяку. Пойдем, Томочка... Можно, я буду тебя так называть?

– Можно.

Я дала себя увести, мы вернулись в наше купе, и Лариса с материнской заботой взбила подушку, уложила меня в постель и укрыла одеялом. Все те мои драгоценные чувства, какие мне пришлось глубоко запрятать, оказавшись на нарах, выплыли наружу обильными слезами жалости к себе и благодарности к постороннему человеку, так близко принявшему мою печаль к сердцу. Лариса – она была подарена мне судьбой, и наша встреча в купе была предопределена. Возможно, именно это обстоятельство, это знакомство и придали мне сил, заставили по-другому взглянуть в свое заметно посветлевшее будущее.

Утром, правда, когда коньяк выветрился из моей головы и меня снова охватила тоска при мысли, что мы прибыли в Москву, где меня никто не ждал, я почувствовала себя в тупике. И хотя передо мной простирался перрон Павелецкого вокзала, уходивший за горизонт, я четко знала, что в тупике, и что нет мне дороги, как нет и надежды на возвращение к нормальной жизни.

– У тебя лицо самоубийцы, – заметила Лариса, небольшими перебежкамидвигающаяся в сторону здания вокзала и волоча за собой свой роскошный чемодан. – Бери меня под руку, чтобы не потеряться. Да смотри по сторонам, чтобы меня не ограбили. Здесь работают профессионалы, не успеешь оглянуться, останешься в чем мать родила, без багажа, документов, денег, драгоценностей. Мне надо было бы выглядеть поскромнее, собираясь

ехать в поезде. В самолете – совсем другое дело. Там как-то все быстро, а здесь – другой мир, воры, карманники, мошенники. Очень я боюсь вокзалов!

– Почему – самоубийцы? – я выудила из услышанного лишь это страшноватое слово.

– Не знаю, мне так показалось.

– А ты видела когда-нибудь лицо человека, собирающегося покончить с собой?

– Вот еще! В моем окружении все нормальные люди. И веселые. Очень надеюсь, что и ты очень скоро восстановишься, во всяком случае, я постараюсь тебе в этом помочь. Ты хотя бы скажи, какие у тебя в Москве дела? Встреча?

– Да.

– Так может, я навязываю тебе свою компанию? – Она вдруг остановилась, чтобы заглянуть мне в глаза. – Я спрашиваю, может, тебя здесь ждут, и тебе есть, где остановиться, а я тут к тебе со своими предложениями? Ау, Томочка, ты меня воспринимаешь?

Щечки ее зарумянились, она выглядела такой бодрой, жизнерадостной и здоровой, что мне захотелось набраться от нее этой жизненной силы, напитаться ею.

– Воспринимаю, – проямлила я. – Я не уверена, что меня ждут.

Это была прилично упакованная ложь. Я же точно знала, что меня никто не ждет. В сущности, на этом и строился весь мой расчет.

– Ладно, пошли. Я оставила свою машину возле фитнес-центра на Кожевнической, договорилась с охраной... Сейчас как выйдем, надо будет немного пройти... Хотя, не так уж и немного... Особенно, когда ты на шпильках. Можно было, конечно, взять такси и с самого начала не заморачиваться, но уж больно не люблю я чужие машины. А в своей я, как дома. Тамара, выше нос!

Я смотрела на нее и спрашивала себя: зачем ей все это нужно, подбадривать меня, взваливать на себя мои проблемы? И как вообще можно вот так довериться первому встречному человеку? Тем более, я предупредила ее, что я только что вышла из тюрьмы! А ведь она даже не поинтересовалась, за что я сидела. Может, я очень опасна? Ну просто очень?!

Если бы я оказалась на ее месте, то, возможно, и не перешла бы в другое купе, подальше от уголовницы, но напряглась бы и уж точно не отправилась бы пить с ней в ресторан.

Что она во мне нашла? Откуда вдруг такая симпатия?

2. Григорий. Август 2013 г.

Я с самого начала повел себя неправильно. И хотя мы с ней ни о чем не договаривались, все равно никто из нас ничего не рассказывал друг о друге. Нет, безусловно, кое-что я, конечно, знал. Я знал, что она молода и прекрасна, что мне с ней хорошо, что я влюблен в нее, и что каждое расставание с ней для меня является испытанием, и переживаю я разлуку очень тяжело. Я знал, что она любит кофе с молоком и сахаром, Бунина, распахнутые окна, фиалки, апельсины, пешие прогулки по ночному городу, Англию и Шотландию, военные сериалы и многое другое.

Когда я приезжал к ней, она открывала дверь, молча обнимала меня, и я крепко сжимал ее тело в своих объятьях. И никого, кроме нас двоих, в этот момент не существовало. Мир за дверями, за окнами был космосом. А в квартире Тамары протекала самая что ни на есть настоящая жизнь. Мы любили друг друга, и нам не было дела до остальных. Все влюбленные – страшные эгоисты. Вот и мы были эгоистами. Мы переступили многие грани, отделявшие нас от нашей привычной и, в общем-то, пресноватой жизни, очень похожей на жизнь наших знакомых и друзей.

По каким-то деталям, картинкам на стене, буклетам я понял, что моя возлюбленная имеет отношение к туристическому бизнесу. Постепенно узнавая о жизни Тамары, я старался, как мог, помочь ей материально. Ведь когда я уезжал, она оставалась одна. Я убедил ее не отказываться от моей помощи.

В квартире не было ни одной вещи, которая могла бы указать на существование в ее жизни мужчины. Я понимал, что Тамара молода и красива, и что она не может не нравиться мужчинам. Допускал, что в перерывах между нашими с ней встречами она позволяет ухаживать за собой какому-нибудь мужчине. Но всякий раз, думая об этом, я испытывал непереносимые страдания. Однако я не имел права требовать от нее верности.

Когда я приезжал, мы не выходили из квартиры. Уж не знаю, как она там договаривалась на работе, но два-три дня, среди которых были непременно выходные, она принадлежала только мне.

Мы ели, пили, спали, смотрели телевизор, слушали музыку, танцевали, хохотали, купались, словом, делали все, что только возможно в пределах маленькой городской квартиры, и не было на земле людей счастливее нас.

Понимал ли я, что так не может продолжаться вечно? Понимал, но гнал от себя эти мысли. Конечно, надо было что-то решать, чтобы сохранить нашу любовь, Тамару, чтобы не потерять все то прекрасное, чем была наполнена наша жизнь почти одиннадцать месяцев. Но время шло, неопределенность нашего положения закручивалась вокруг нас гигантским питоном, и я ничего, ничего не делал. Мне казалось, что время само расставит все по своим местам, что непременно случится нечто такое, что сдвинет с места нашу жизнь, и все вокруг изменится, произойдет какое-то важное движение, которое позволит нам быть вместе. Уже навсегда. Что я заберу ее с собой.

...Я позвонил в дверь. Как же я любил это мгновение. Сколько раз я представлял себе нашу очередную встречу!

Тяжелые пакеты с подарками и продуктами были свалены возле моих ног. Сверху них лежал большой букет роз. Вот сейчас она откроет дверь, увидит меня, и губы ее тронет улыбка. «Привет», – скажет она чуть слышно. «Привет», – отвечу я ей, подхвачу подарки и внесу в дом. «Я купил тебе сарафаны, юбки, все в цветах, кружевах...» Я уже видел, как она

кружится в них перед зеркалом! «Еще, взгляни сюда, видишь коробочку? Думаю, тебе понравится...» Даже не знаю, кто в эти мгновения испытает больше радости – я, дарящий подарки, или она – их принимающая!

Дверь распахнулась, и я увидел мрачную тетку в махровом халате. Отекшее лицо, поджатые губы, подозрительный взгляд.

– Вам кого?

Мысль понеслась, полетела: кто это может быть? Мать? Родственница? Соседка? Знакомая?

– Тамару, – проговорил я не своим голосом.

– Это ту, что здесь раньше жила?

От женщины пахло табаком.

Я пожал плечами. Я ничего не понимал. Вот что значит приезжать без предварительного звонка. Сюрприз.

– Да... Тамара. Девушка, брюнетка такая красивая...

– Так померла она, – сказала тетка.

– Как померла? Когда? – прохрипел кто-то внутри меня.

– Недели две как...

– А вы кто? Родственница?

– Твое какое дело? – и она с силой захлопнула дверь.

Мне кажется, что я и сам умер в ту минуту. Все сразу потеряло свой смысл. А букет красных роз лежал на пакетах, как на надгробии.

Я позвонил в соседнюю дверь. Там открыли не сразу. Девочка-подросток с желтоватым, словно восковым личиком.

– Извините. Я приехал к вашей соседке, Тамаре, а проживающая там женщина сказала мне, что она умерла, – в горле у меня пересохло. – Это правда?

– Говорят, что правда, – каким-то неестественно высоким, мультяшным голосом ответила девочка.

– Когда вы видели Тамару в последний раз?

– Дней десять тому назад, а может, две недели. Точно не помню. Но она выглядела вполне здоровой.

– Кто может мне рассказать о ней? Родители? Родственники?

– Она работала в «Рест Туре».

– А где это?

– Это в центре, улица Некрасова, между сбербанком и цветочным магазином.

– Можно, я оставлю все это у вас? – спросил я соседку, все еще надеясь, что произошла какая-то чудовищная ошибка, и моя Томочка жива и здорова. И тогда я подарю ей все-таки этот букет.

– Да, конечно.

Я подхватил пакеты в одну руку, цветы – в другую, подошел к девочке, смотревшей на меня широко распахнутыми, полными сожаления, глазами.

– Вас как зовут?

– Марина. Марина Трушина.

– Вот что, Мариночка. Я надеюсь еще найти Тамару... Пусть все это побудет у вас, а позже, когда я найду Тамару, мы заберем это у вас, можно?

Она кивнула головой. Я же, избавившись от багажа и стараясь не смотреть в глаза соседке, которые наверняка своим отчаянным взглядом разорвали бы мне сердце, выбежал из подъезда, вызвал такси и отправился на поиски туристической фирмы.

Вывеска, объемная, яркая, изображавшая голубой земной шар, на нем пляжное кресло с сидящим в нем почти голым человеком в темных очках, занимала верхнюю часть массивной деревянной двери: «REST GLOBE-TOUR».

Открывая дверь, я чувствовал, как меня колотит дрожь. Я словно перенесся в другое измерение, в какой-то другой мир, где на каждом шагу меня подстерегала беда.

– Здравствуйте.

Я оказался в очень уютном офисе, стены которого украшали вставленные в дорогие рамки фотографии красивейших курортных мест, а над головой одной из трех девушек-операторов и вовсе висело чучело маленького крокодила!

Я подошел к свободной девушке, поскольку две другие занимались с клиентами, негромко с ними переговариваясь, сел напротив и спросил:

– Где Тамара?

– Осипова?

– А у вас сколько Тамар работает? – Мое легкомыслие, не позволившее мне даже узнать фамилию моей возлюбленной, мое безрассудство и какое-то детское желание прожить сразу две такие контрастные жизни, сделали эту минуту просто невыносимой.

– Да, вы правы, извините. У нас работала одна Тамара Осипова. Но она у нас больше не работает.

Девушка явно приняла меня за посетителя, клиента, желающего купить путевку исключительно из рук Осиповой Тамары.

– Понимаете, я ее знакомый, она мне очень нужна по важному делу... Я приехал, а дома ее нет, мне сказали, что она работает здесь... – Я готов был и дальше увिलивать от темы смерти, в которую я не верил.

– Мы и сами не понимаем, куда она делась, – доверительным шепотом поделилась со мной девушка, на бейджике которой значилось имя «Светлана». – Две недели тому назад не явилась на работу. Нет, она, конечно, позвонила, предупредила, что ее не будет несколько дней, но потом как в воду канула. Не перезвонила. Ничего. Девчонки наши сказали, что она и квартиру продала. Знаете, все это на нее так не похоже... Она очень ответственный человек, и не должна была так поступать. Тем более сейчас, в сезон, когда у нас так много клиентов!

К счастью, эта милая девушка ничего не сказала о смерти Тамары Осиповой. А это означало, что об этом не знает никто из ее коллег и подруг, и что никто из них не был у нее на похоронах, что для меня много значило.

– А она ничего не говорила, может, куда уехала или что случилось? Ведь две недели тому назад был июль, самый сезон и полно туристов, однако она отпросилась, значит, ей очень надо было...

– Нет, она ничего не говорила.

– Светлана, скажите, может, у нее есть подруга, близкая, которая могла бы рассказать о ней больше?

– Нет, я не знаю.

– Родители? Родственники? Брат, сестра?

– Кажется, у нее мать одна, но живет она где-то под Оренбургом. Да, точно под Оренбургом, потому что примерно два раза в год Тамара ездила к ней, покупала подарки, помню, павловопосадский платок купила, конфеты, постельное белье...

- А где именно, в какой деревне?
- Извините. Не знаю.

Я готов был засыпать их упреками, мол, вас что, совсем не интересует судьба вашей коллеги? Ведь она исчезла, квартиру ее продали, а вы спокойно сидите на своих рабочих местах и отправляете людей на курорты... Но разве имел я право судить их, когда сам не знал даже фамилии моей любимой?!

Больше того, мне пришла в голову мысль, что Тамара сама захотела исчезнуть, потеряться. Чтобы я, так и не решившийся жениться на ней, приехал и не нашел ее. Тем более что в последнее время я стал приезжать к ней все реже и реже... Тому было много причин. Но в ту минуту, когда я вдруг понял, что потерял Тому или, во всяком случае, близок к этому, я стал отвратителен себе, я вдруг всем своим существом ощутил всю правильность выражения: что имеем – не храним, потерявши – плачем. Каждый мой приезд она так искренне радовалась мне, с такими сияющими глазами распахивала передо мной дверь, что я думал – это никогда не закончится. Разве что конец света или мощнейшее землетрясение разрушит этот город, и вот тогда просто некому будет открывать мне дверь, поскольку и дома-то не будет. Никогда не предполагал я ни болезни, ни тем более смерти своей возлюбленной. И вот сегодня, в ясный солнечный день, дверь ее квартиры открыла отвратительная прокуренная тетка в махровом халате. Не было ни землетрясения, ни конца света.

Однако я чувствовал, что причина всех этих странностей заключается в самой Тамаре и что ее исчезновение – следствие ее решения. Или же с ней случилась беда.

А еще я понял, что, кроме меня, ее никто не станет искать. Вот жил человек, работал в туристической фирме, исчез, и о нем сразу забыли.

Мужчина же, в течение многих месяцев клявшийся Тамаре в своей любви, получается, что и не любил ее, не любит, иначе он точно знал бы о ней все и в создавшейся ситуации наверняка знал бы, где ее искать, у кого, или хотя бы мог предположить причину ее исчезновения.

Но я любил Тамару, все то время, что я продолжал жить параллельной жизнью, я мечтал о ней, о нашей с ней совместной жизни, планировал ее переезд, покупку дома, мебели и всех тех прелестных мелочей, что необходимы молодой супружеской паре для того, чтобы начать новую жизнь. Да, я мечтал об этом благостном для нас двоих времени, другое дело, что я не ставил перед собой цели обозначить какие-то реальные временные рамки. В этом была моя ошибка. Возможно даже, непоправимая.

Но пока не было никаких доказательств смерти Тамары, оставалась надежда ее найти.

Сначала я разыскал жилищную контору, чтобы выяснить, продана ли квартира Тамары. Там мне ответили, что квартира действительно продана гражданкой Осиповой Тамарой Александровной гражданке Синевой Клавдии Ивановне, что сделка была совершена две недели тому назад, и сведений о прежней хозяйке квартиры не имеется. Что ж, во всяком случае, я убедился в том, что фамилия моей Тома – действительно Осипова, и Светлана из туристической фирмы, говоря о бывшей своей коллеге, имела в виду точно мою Тамару. Кроме того, я, к счастью, не услышал ничего о смерти прежней хозяйки квартиры, что тоже обрадовало меня.

В полиции я все же написал заявление о пропаже человека. Сказал, что видел свою знакомую Тамару Осипову две недели тому назад (хотя это было неправдой, я не был у нее больше месяца), что она была жива, здорова и не собиралась продавать свою квартиру. Я объяснил, что она исчезла без предупреждения, что это не в ее характере, поскольку она весьма ответственный и положительный во всех отношениях человек. И что, если она пропала, значит, с ней случилась беда. А потому ее следует искать.

Конечно, ни на какую полицию я не рассчитывал. Мне следовало действовать самостоятельно. С помощью Интернета я вошел в городской сетевой портал и на доске объявлений разыскал нужную мне услугу. И вот спустя несколько часов с момента моего приезда в Саратов я уже сидел в скромном офисе частного детективного агентства.

Одну стену небольшого захламленного помещения занимало арочное окно, что придавало обстановке особый уют. И даже беспорядок, старые кожаные кресла и маленький диванчик с небрежно оставленным на нем клетчатым шерстяным пледом и зеленой подушкой не портили общую картину.

«Бывший опер», «голова», «крупный специалист в своем деле» (как мне доложили две курящие дамы на крыльце здания, где располагалось агентство), Дворкин Борис Михайлович, был, на мой взгляд, слишком спокойным и медлительным для такой профессии. Он сидел за большим столом, заваленным книгами и папками с бумагами, и пил кофе. Перед ним на блюде лежал большой бутерброд – с маслом, колбасой и ломтиком сыра сверху.

– Будем работать, – сказал он, записывая в свой пухлый блокнот последние сведения, какие я мог предоставить ему по делу Тамары. – Жаль, что нет фотографии.

К счастью, он не спросил меня, кем я прихожусь пропавшей гражданке Осиповой, где и с кем проживаю, иначе мне пришлось бы придумывать свою легенду на ходу.

– Просто она для меня очень много значит, – не выдержал я под конец нашего разговора, чтобы остальное Дворкин мог додумать сам. – И я очень, очень буду вам благодарен, если вы ее найдете.

Я приходил к Дворкину еще много раз, сидел и даже спал на этом кожаном диванчике, когда ноги сами приводили меня к этому симпатичному человеку после нескольких часов, проведенных в том самом баре, где я познакомился с Тамарой. Вот только положительных результатов я так и не дождался.

Я узнал, что квартира Тамары была продана гражданке Синевой по доверенности, копию которой раздобыл и показал мне проворный Дворкин, и, прокомментировав этот факт фразой «это работа черных риелторов», посочувствовал мне от всей души, угостив холодной водкой. Он объяснил мне, что в городе работает группа этих самых «черных» риелторов, которые, подделав подпись владельца квартиры на состряпанной ими же в присутствии своего нотариуса генеральной доверенности, продают квартиры по цепочке своим же людям, чтобы настоящий покупатель после вдруг открывшегося факта подделки документов и концов не нашел. Однако, пояснил он мне, таким образом отбираются квартиры у определенной незащищенной группы лиц, в число которых входят одинокие пенсионеры, алкоголики, наркоманы. И в эту компанию уж никак не могла попасть молодая и не глупая женщина.

– Возможно, ей действительно, как сказала ее коллега, пришлось на время покинуть город, и этим обстоятельством воспользовались преступники. Но тогда они должны были быть в курсе, что ваша приятельница уехала не на день-два, а надолго. Иначе схема не работала бы, – сказал мне Дворкин, чем не сильно порадовал меня, скорее наоборот.

После сделанных выводов я направил его бурную деятельность на поиски этих самых риелторов в надежде, что с помощью реального нотариуса, имя которого было указано

в доверенности, мы выйдем на конкретного человека, занимавшегося именно квартирой Тамары.

Но нотариус исчез, а с ним, как мы предположили, из Саратова исчезла и группа преступников, переместившись, вероятно, в другой город.

Гражданка же Синева, которую я лично напоил, заявившись к ней как-то вечером, дешевой водкой, после двух часов возлияний призналась, что ей заплатили за то, чтобы она в случае, если бывшую хозяйку квартиры будет разыскивать «симпатичный молодой мужчина», сказала, что Тамара умерла.

— Не знаю, как вам, — рассуждал Дворкин после того, как я принес ему эту драгоценную информацию, — но мне кажется это неслучайным. Она прямо так и сказала: «симпатичный молодой мужчина»?

— Ну, да. Я и сам удивился. Ведь ее могли разыскивать и другие люди. Подруги, к примеру, девушки из агентства, да мало ли кто!

— Правильно, что удивились. Получается, что тот, кто заплатил этой, с позволения сказать, даме деньги... Кстати, а кто это был? Она запомнила этого человека?

— Да не помнит она ничего!

— Понятно. Так вот. Получается, что ее инструктировали относительно вас, Григорий. То есть кто-то знал, что вы будете искать Тамару, и не хотел, чтобы вы ее нашли. Давайте напрямую, Григорий: кто-нибудь знал о вашей связи с Тамарой?

— Нет. Это совершенно исключено, — ответил я машинально, в первую секунду и не понимая, что проговорился. Ведь я вовсе не желал, чтобы даже Дворкин знал о характере наших отношений с Тамарой. Но, вероятно, я его недооценил.

— Если вы хотите, чтобы я вам помогал, Григорий, вы должны рассказать мне всю правду. Вы поймите, за каждым поступком человека кроется мотив. И если Тамара исчезла, то сделать она это могла по двум причинам: уехала сама или же ее вынудили это сделать. Если сама, то все гораздо проще, и ей ничего не грозит. Женщина приняла решение, понимаете? Ей надоело ждать вас...

— Откуда вам известно, что она меня ждала?

— Да потому что она пропала две недели тому назад, а вы узнали об этом только на днях! Значит, вы не так уж часто ее навещали и даже не перезванивались. К тому же в разговоре с вами, я понял, что вы совершенно не знаете нашего города, даже центральных его улиц, не говоря уже о ресторанах и прочих общественных местах, которые вы бы знали, если бы проживали здесь. Из этого я сделал вывод, что вы приезжий. Когда же, доставая телефон из кармана, вы случайно выронили билет в музей Набокова в Питере, многое прояснилось...

Краснея от стыда, я «признался» Дворкину в том, что действительно проживаю в Питере и бывал у Тамары время от времени, все не решаясь покончить со старой жизнью и начать новую. И все это я выдал ему в форме каких-то унижительных туманных намеков, словно признавался в совершенных мною многочисленных преступлениях. Такая форма поведения была вызвана исключительно растущим во мне чувством вины перед Тамарой.

Произнося фразу «и даже не перезванивались», Дворкин, я думаю, просто недоумевал, как можно в наше время, когда под рукой мобильные телефоны и Интернет, быть влюбленным в женщину и не обмениваться с ней сообщениями. Но как я мог объяснить ему, что все эти месяцы моего знакомства с Тамарой мы с ней, не сговариваясь, играли в чудесную любовную игру, где не было места всей той электронной суеде, заменившей многим людям живое общение, отчего наши с ней встречи были наполнены более острыми и прекрасными эмоциями, чем если бы мы общались с ней каждый раз по скайпу, разбавляя нашу любовь длиннотами, молчанием или просто дежурными фразами, способными убить истинное чувство.

Нас обоих устраивало такое положение дел, во всяком случае, мне так казалось. И только после того, как Тамара исчезла, я начал сомневаться в этом. Возможно, моей современной и коммуникабельной возлюбленной как раз и не хватало телефонных разговоров, эсэмэс, виртуального общения по скайпу, электронных писем от того, кого она так любила. И еще, быть может, продолжает любить, но только где-то очень далеко от места наших встреч.

– Григорий, – сказал Дворкин в одну из наших вечерних бесед, когда он исключительно ради меня, впавшего в депрессию и утонувшего по самую макушку в коньячных парах, задерживался в своем офисе, заставляя волноваться своих домашних (жену и трех взрослых дочерей), – вот скажите мне, как человек разумный, во всяком случае, здравомыслящий, как вы могли завести интрижку в другом городе, не обменявшись с вашей девушкой ни номерами телефонов, ни электронной почтой, ни скайпом? Вы даже ее фамилию не знали до недавнего времени! Что это? Желание обезопасить себя от докучливой девицы, которая грозилась вмешаться в вашу семейную или какую там, не знаю, жизнь?.. Неужели в родном городе вы не могли найти себе девушку для приятного времяпрепровождения? Если же между вами было настоящее чувство, вы сами разве не испытывали желания лишний раз поговорить с Тамарой? Услышать ее голос? Человечество и выдумало все эти хитроумные штуки вроде Интернета исключительно для простоты общения.

Я отлично понимал, что все мои объяснения выглядели бы глупо, а потому просто молчал.

Пользуясь тем, что я был сильно пьян, он позволил себе даже намекнуть, что мы с Тамарой вели себя, как герои фильма «Порнографический роман», где партнеры предпочитали ничего не знать друг о друге.

Но я не обиделся на него, не разозлился. Мне просто стало еще хуже после его слов. Быть может, и Тамара думала так же, когда я, прощаясь с ней, не спрашивал ее номер телефона и не делился своим. А что, если я этим поведением оскорблял ее?

– Я идиот, что тут скажешь.

– Нет, вы не идиот. Просто вы пытались вести двойную жизнь, забывая, что жизнь у вас, как и у вашей женщины, одна, и что вместо того, чтобы быть с ней вместе, вы попусту тратили время, разменивая его на разные глупости.

– Пусть я такой несовременный идеалист, пытавшийся спрятаться здесь от всего того ада, в котором я жил последние годы, пусть. Но почему тогда она не вразумила меня? Почему не сказала, как ей больно, некомфортно, унижительно со мной? Мне казалось, что и она тоже счастлива!

– Да, я вижу, вы совершенно не разбираетесь в женщинах! – вскричал Дворкин, подливая мне коньяк. – Она элементарно боялась вас потерять, поэтому и делала вид, что ей хорошо. На самом же деле она хотела, чтобы вы остались с ней навсегда! Чтобы вы женились на ней, и она по утрам готовила бы вам какао и пекла булочки, а вечером кормила ужином, и чтобы по возможности вы находились рядом с ней на расстоянии вытянутой руки. Этого хотят все влюбленные женщины. Она наверняка хотела бы забеременеть от вас и родить вам ребенка. И это, поверьте мне, вполне нормальные, здоровые желания! Вы же, вместо того чтобы дать ей надежду на совместное будущее, расставаясь с ней на пороге ее квартиры, словно прощались с ней навсегда! Во всяком случае, она вполне могла это предположить.

– И что теперь делать?

– Молиться о том, чтобы она была жива и здорова. Это – главное. Конечно, я сгустил краски, и мне самому исчезновение вашей девушки не кажется привязанным к вашим отношениям, по моему мнению, она стала жертвой мошенников, и это куда страшнее. В любом случае, ее надо искать. Всеми способами. Понимаете?

Дворкин разыскал ее мать, проживающую в деревне Холодные Ключи под Оренбургом. Она повторно вышла замуж за местного и очень амбициозного художника Ванеева, который был младше ее на десять лет, и посвятила ему свою жизнь, взвалив на свои плечи все дела, в том числе и финансовые: развела поросят, коптила сало на продажу, стирала ему рубашки. На вопрос, когда она последний раз видела свою дочь, Людмила Васильевна растерянно ответила, что Тамара приезжала к ней последний раз на Новый год, привозила подарки и сказала, что у нее, у Тamarочки, все в порядке. Что она работает в туристическом агентстве, хорошо зарабатывает. Молодого человека у нее пока нет, судьбу свою она еще не встретила. Узнав о том, что дочь пропала, а квартира ее продана, женщина расплакалась, сказала, что понятия не имеет, где она может быть. Что Тамара не планировала продавать квартиру и куда-то переезжать. Что она была вполне довольна своей жизнью и не собиралась в ней ничего менять. На вопрос, есть ли у них родственники, куда бы она могла поехать, Осипова сказала, что у нее есть младший брат, Сергей, который проживает во Владивостоке с семьей, но он регулярно звонит Людмиле Васильевне, они всегда в курсе всего, что происходит в семье, и уж там Тамара точно не появлялась. Они вообще виделись много лет тому назад, когда «девочки были крошками».

– «Девочки»?

– У Осиповой была еще одна дочь. Ее звали Нина. Она была старше Тамары на один год, – рассказывал Дворкин. Я, на этот раз абсолютно трезвый и совершенно удрученный отсутствием информации о Тамаре у следователя, занимавшегося поиском, сидел в кресле напротив Бориса Михайловича и ловил буквально каждое его слово. – Да только ее убили девять лет тому назад. В 2006 году. Ей было семнадцать. Она ушла из дома и не вернулась. А потом ее труп нашли на городской свалке. Григорий? Вы слышите меня?

– Да-да... – я покачал головой. – Только этой истории мне еще и не хватало. Мертвая сестра.

– Тамара вам ничего не рассказывала о своей сестре?

– Нет, ничего. Да-да, можете не повторять, я и так уже все понял. Признаюсь – я ничего не знал о Тамаре. Но если бы она, к примеру, захотела мне что-то рассказать о себе, я бы ее не стал останавливать. Значит, она сама не хотела мне ничего рассказывать.

Прошло больше месяца, прежде чем мне удалось узнать о Тамаре.

Верный, как пес, Дворкин разыскал ее в одной из женских тюрем. Точнее, в Ивановской колонии общего режима. Это было уже в сентябре. Известие настигло меня в аэропорту Петербурга, куда я прилетел по очень важным делам и откуда должен был вылететь в тот же день, чтобы утром принять участие в своем бракоразводном процессе. И хотя этот развод был делом давно решенным, я в этой истории чувствовал себя настоящей жертвой заговора, обмана и предательства. Пусть я не любил свою жену, но всегда относился к ней предельно вежливо, причем наше окружение довольно долго было уверено в том, что у нас крепкий, хотя и бездетный брак. Однако наступил такой момент, когда именно наши знакомые и открыли мне глаза на измену Лиды.

В любом случае, мне не очень-то хотелось присутствовать на собственном бракоразводном процессе. Я довольно хорошо представлял себе, как все это будет выглядеть, какие унижительные для меня вопросы станут задавать, да и Лиду видеть не хотелось.

Словом, настроение мое в этот день было хуже некуда. А тут еще звонок Дворкина с сообщением о Тамаре.

Я очень хорошо помню свою реакцию. Вернее, две реакции. Первая – радость от того, что Тамара жива. Вторая – полное недоумение, удивление, потрясение и возмущение действиями наших правоохранительных органов, прокуратуры, явно допустивших грубейшую

ошибку и засадивших за решетку невиновного человека. Никто не смог бы доказать мне вину Тамары. Ничто не заставило бы меня взглянуть на мою возлюбленную как на преступницу.

Позвонив своему адвокату и сообщив о том, что я не приеду в суд, я полетел в Москву, оттуда в Иваново. Нервы мои были на пределе, и мне тогда хотелось только одного – сделать все возможное, чтобы вытащить Тамару из тюрьмы. Чтобы доказать всему миру, что она невиновна. Однако мне хватило ума доехать до Иваново прежде, чем начать действовать, срывать с места моего адвоката. Сначала я должен был увидеть Тамару или хотя бы выяснить, действительно ли это она, а не однофамилица. Узнать, по какой статье ее осудили. И уже потом начать действовать.

Но в Иваново мне не удалось ничего сделать. Ни встретиться с начальником колонии, ни с кем-либо еще, кто мог бы дать информацию о гражданке Осиповой. Единственно, что мне удалось, это собрать посылки.

Я подошел к этой задаче очень серьезно. Пытаясь представить себе, каково там, на нарах, молоденькой хрупкой девушке, мне захотелось положить в коробку все, начиная от теплой шубы и заканчивая носовыми платками. Располагая сведениями об ее семье, о том, что ни мать, ни дядя из Владивостока палец о палец не ударили, чтобы как-то поддержать Томочку, я носился по городу в поисках самого необходимого. Покупал какие-то теплые штанишки, свитера, лифчики, кофточки, купил даже вязаную шапочку. Не забыл положить вместе с одеждой гигиенические салфетки, мыло, крем, шампунь, все то, что может понадобиться женщине в условиях изоляции, да и вообще для жизни. Закупил продуктов, чая, кофе, деликатесов, сладостей. И единственно, что мне удалось сделать полезного во время этой, в общем-то, бестолковой поездки в колонию, это реально передать три большие посылки «осужденной Осиповой Тамаре Александровне, 1990 года рождения». Это просто чудо какое-то, волшебство, что я нашел человека в Иваново, который помог мне пристроить посылки: научил, к кому подойти и сколько дать. Благословенная Россия – только здесь можно найти подход к каждому человеку, зная таксу.

3. Лариса. Январь 2015 г.

В какой-то момент я вдруг поняла, что осталась совсем одна. Что тетка Марта, которую я хотела осчастливить, облагодетельствовать, взяв к себе в Москву и предоставив ей там полную свободу действий, прекрасно обходится и без меня. Что она, еще недавно такая одинокая и несчастная, встретила на своем пути достойного человека, из немцев Поволжья, который предложил ей не только руку и сердце, но и переезд в Германию. Поскольку все наши родственники, еще не так давно проживающие в Марксовском районе, включая и очень дальних, перебравшихся к нам в Поволжье из Казахстана, уже давно вернулись на историческую родину, то переезд моей тети был, в общем-то, вполне закономерным.

– Ты понимаешь, как все удачно сложилось! – щебетала она, помолодевшая, бодро перемещавшаяся по своему дому и раскладывая вещи по раскрытым чемоданам и коробкам. – Его зовут Яков, он всего-то на восемь лет старше меня. Он, Ларочка, прекрасный человек! Ты уж извини, что не могу уделить тебе много времени, сама понимаешь – сборы. Он должен приехать с минуты на минуту, чтобы мы поехали с ним за покупками, нам еще нужно кое-что прикупить в дорогу, подарки всем нашим, водку там, ну, сама понимаешь... Лекарства самые необходимые хотя бы на первое время. У меня давление, знаешь, как шпарит!

– А дом? Дом ты свой будешь продавать?

– Ну, уж нет, Ларочка, не такой я человек, чтобы разум окончательно из-за мужчины потерять. Хотя и сладилось у нас с ним все, и человек он замечательный, к тому же небедный, в Германию поедет не с пустыми руками, может, мы дом там купим, но все равно, не могу я вот так разом все взять и бросить. Я одну семью из Украины пушу в дом, а соседка моя, ты знаешь ее, Мария, будет с них каждый месяц плату брать и мне отправлять. Я научила ее, как это делать по Интернету, не выходя из дома. Зачем продавать дом, когда можно его использовать более благоразумно. К тому же мне там, в Германии, будет спокойнее при мысли, что могу в любое время вернуться назад.

– Ты успокоила меня, – сказала я, радуясь такому положению дел. – А машинку швейную возьмешь?

– Глупости! Яша купит мне там хорошую, немецкую.

Моя тетка – отличная портниха. Думаю, что она и в Германию-то так легко решилась переехать, зная, что с ее золотыми руками и талантом она никогда не останется без куска хлеба. Уж если не найдет клиенток среди немцев, то среди своих, русских, всегда найдутся женщины, пожелавшие иметь свою портниху.

– Ларочка, ты пойдешь согрей себе супу, а мне некогда...

Да, не так я представляла себе свой приезд к Марте. Думала, погощу у нее, поем ее знаменитых пирогов, ее чудесного картофельного салата, расскажу ей о своей новой жизни, о том, что больше не торгую на рынке, что теперь у меня своя квартира, деньги, и что я готова взять Марту в Москву, купить ей жилье. Это я должна была купить ей хорошую швейную машинку, помочь оборудовать квартиру под маленькое ателье и даже мысленно подыскивала клиенток. Была припасена у меня и легенда о том, как это мне удалось так поправить свою жизнь. В сказку о вдовстве умная Марта вряд ли поверила бы, да и я не умею так уж складно врать, обязательно прокололась бы, проговорила. В любовника, который облагодетельствовал меня, Марта тоже вряд ли поверила бы – слишком уж большие деньги, получается, свалились мне на голову. Сказала бы ей, выдав за страшный секрет, что занималась наркотиками. Вот в эту грязенькую, с душком, историю, она поверила бы точно. Но перед тем как согласиться поехать в Москву, потребовала бы гарантий, что я с этим завя-

зала, что теперь просто живу на то, что сумела выгодно вложить в ценные бумаги и в недвижимость.

К тому же, если бы я на самом деле купила Марте квартиру, вряд ли она так уж щепетильно отнеслась бы к моему источнику доходов, главное, у нее было бы где жить и работать. В сущности, она бы уже и не зависела от меня.

Конечно, я собиралась забрать Марту к себе не только из-за желания устроить ее жизнь. Мне просто необходимо было, чтобы рядом со мной жил родной человек. Хотя бы в одном городе. Родители-то мои давно умерли, оставалась лишь одна Марта, родная сестра моей матери. Я и сама, если честно, не ожидала от себя такой сентиментальности, слабости. Хотя мое состояние можно было бы назвать скорее страхом одиночества или просто страхами, которые мучили меня последнее время. Я плохо спала, страхи наваливались на меня, как мертвые вороны, я задыхалась, мне надо было, чтобы рядом находился кто-то родной. Я бы наверняка часто приглашала Марту к себе домой с ночевкой или ночевала бы у нее. В любом случае, я чувствовала бы себя куда комфортнее и защищеннее, если бы этот переезд все-таки состоялся. Конечно, в идеале я бы хотела, чтобы Марта вообще жила в моей квартире, но, зная ее независимый характер и привычки, я понимала, что уж на этот вариант она точно не согласится.

Вот так родился план с покупкой ей отдельной квартиры, швейной машины и всего того, что необходимо для жизни.

Марта жила в центре Саратова, в частном доме неподалеку от Колхозного рынка, и улицу эту, со старыми домами, градостроители сносить пока не собирались. Так и жила бы Марта там до тех пор, пока я не приехала бы за ней, но появился этот Яков Круль.

Сердце мое колотилось, когда я, уверенная в том, что мой неожиданный приезд станет для тетки настоящим сюрпризом, открывала калитку ее дома, поднималась по ступеням, стучала в дверь. Из кухонного окна плыли запахи жарящихся оладий. Было утро, и я обрадовалась, что Марта дома. В моих руках были чемодан и большая сумка с подарками. Разве могла я тогда предполагать, что мое появление вызовет у Марты лишь досаду или даже слабое чувство вины...

Уезжала я от Марты разочарованная и находящаяся явно не в себе. Заходила в московский поезд, словно заранее зная, что меня везут на эшафот. Еще на перроне я зачем-то высматривала лица, желая найти человека, которому могла бы рассказать свою историю, довериться. Но так и не нашла. Жизнь научила меня улыбаться даже тогда, когда хотелось кричать от боли и безысходности. Войдя в вагон, я начала расточать свои улыбки сначала проводнице, а потом всем, кто возникал у меня на пути. Последнюю свою улыбку я несла, как фальшивую драгоценность, своим соседям по купе. И была очень удивлена, когда войдя в купе, встретила взглядом с девушкой, лицо которой в отличие от моего еще не научилось играть улыбками и счастливыми взглядами. Лицо моей спутницы выражало крайнюю степень отчаяния и боли. Как если бы я увидела отражение собственного состояния в зеркале.

— Девушка, поезд скоро отправляется, — сказала она, забившись в самый угол диванчика. — И в вагоне, я видела, полно пустых купе. Вы можете попросить проводницу, и она переселит вас подальше от меня.

Я смотрела на нее и никак не могла понять, что происходит. Она, едва увидев меня, словно я была привидением или по мне прыгали вши вместе с блохами, не пожелала ехать со мной в одном купе.

Я, с трудом продолжая улыбаться и не желая верить в то, что меня разоблачили, что каким-то невероятным способом сумели заглянуть в мою почерневшую душу, спросила ее еще не успевшим сорваться голосом, не заразная ли она.

Ответ девушки потряс меня и обрадовал одновременно.

– Я вчера вышла из тюрьмы, – сказала она просто, и над ее головой засиял нимб откровения. И чтобы сразу расставить все по своим местам и уравнять нас хотя бы на время пути, я не нашла ничего лучшего, чем признаться чужому мне человеку в том, что я сама убийца.

– Подумаешь... тюрьма. Я тоже преступница, мужа убила. Теперь вот вдовствую с большим удовольствием, денег столько, что не знаю, куда девать!

В одну фразу я вложила все то важное, что хотела. Перевод моей фразы мог бы выглядеть на языке сердца примерно так: «Я еще хуже, чем ты. Не уходи, останься со мной. У меня есть все, чтобы помочь тебе, сделать тебя счастливой. Мне очень страшно жить».

Коньяк сблизил нас, заставил нашу кровь пульсировать в одном ритме, в одном темпе. Я смотрела на Тамару, так звали мою попутчицу, и мне хотелось протянуть ей руку помощи. То, что она сразу после тюрьмы поехала в Москву (хотя из наших ночных разговоров я выяснила для себя, что она не москвичка и родом из Саратова), могло означать: первое – в столице ее ждали близкие ей люди, на поддержку которых она надеялась; второе – она жила здесь до того, как попасть в тюрьму, и у нее еще оставалась надежда на то, что ее пустят в это жилище; третье – оставшись без жилья и средств к существованию, она выбрала столицу как место, где ей будет легче всего начать новую жизнь, найти работу, устроиться; и пятое – она ехала в Москву, чтобы кому-то отомстить.

Вот пятый пункт сильно настораживал меня. И в то же время мне улыбалась возможность, занявшись ее проблемами, отвлечься от своих. Разве это не то, о чем я мечтала, отправляясь за теткой Мартой в Саратов? Но проблемы моей тетушки по сравнению с проблемами бывшей зэчки – ничто.

В вагоне-ресторане, где многие попутчики изливают друг другу свои души, признаются в том, в чем они никогда не признались бы даже самым близким людям, Тамара не сказала мне о себе практически ничего. А я, чтобы лишний раз не травмировать ее, не задавала ей наводящих вопросов, ответы на которые могли хотя бы обозначить статью, по которой она отбывала наказание. Не было пьяных слез, замешанных на желании убедить меня в том, что она сидела в тюрьме безвинная. И это заводило меня еще больше.

Сколько лет она отсидела, я тоже не знала.

И я должна была заполучить Тамару к себе хотя бы на сутки, чтобы выпотрошить ее, а, выпотрошив, помочь ей начать новую жизнь. И, если понадобится, даже расправиться с обидчиками.

Думая о Тамаре, представляя себе ее прошлое и фантазируя на тему тюрьмы и ее пребывания там, рисуя себе отвратительные картины тюремного быта и нравов, мне хотелось предоставить ей в распоряжение мою огромную квартиру и все, чем я владела. И эти мысли заставили меня забыть на время о своих собственных кошмарах.

На Павелецком моя храбрая подружка Томочка раскисла. Она шла рядом со мной, думая, что в никуда. Ее взгляд поразил меня, это был взгляд самоубийцы, человека, дошедшего до последней черты отчаяния. Я ей так и сказала. Она возмутилась.

Мы добрались до «фитнес-центра на Кожевнической улице», я с наслаждением открыла свой «Мерседес», уложила чемодан в багажник, мы сели и поехали домой.

Полина, моя домработница, встретила меня как родную. Бросилась ко мне, обняла и даже всплакнула. Сказала, что все в порядке, что никто не звонил, писем не было, что она, как я и просила ее по телефону, приготовила сырники, сварила куриный суп, закупила продукты, перегладила все постельное белье и сделала еще массу всего необходимого и полезного.

Все это Полина выдала мне прямо с порога, не сводя глаз с вжавшейся в самый угол прихожей Тамары и как бы спрашивая меня: и кто это у нас есть?

– Ах, да, Полина! Знакомься, это моя сестра – Тамара! – Я сделала Тамаре страшные глаза и широко улыбнулась. – Прошу любить и жаловать. Будешь исполнять все ее желания, как мои, ясно?

– Ясно, – успокоилась Полина, больше всего ценящая в отношениях и делах ясность. – Конечно, ясно! Сестра? Так я пойду?

– Да, ты свободна. И спасибо тебе большое. Сметану-то не забыла купить к сырникам?

– В холодильнике, Лара Геннадьевна, в холодильнике!

Она ушла, и едва за ней захлопнулась дверь, как Тамара по стеночке, тихонько, сползла вниз и отключилась.

Видимо, ее мозг не смог вот так сразу воспринять визуальную картинку ее новой жизни, нового окружения. Во всяком случае, мне так показалось. Или же ее напрягло слово «сестра». То, что я представила ее Полине как свою сестру?

Она быстро пришла в себя, я помогла ей подняться, усадила и принесла воды.

– Что с тобой, Тamarочка? Голова закружилась?

– Зачем ты сказала этой девушке, что я твоя сестра?

– Я подумала, что так будет лучше всего. И Полина станет ухаживать за тобой, как за мной, понимаешь? Одно дело – подруга, совсем другое – сестра. Ну, ты готова подняться? Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

– У меня уже и комната есть? – усмехнулась Тамара, глядя с недоверием в мои глаза. – А если я сейчас захочу уйти? Вот взять и уйти? Ты станешь останавливать меня?

– В каком смысле? – не поняла я.

– Может, у тебя тоже есть в запасе кое-что интересное? – Она не сводила с меня немигающих, словно остекленевших глаз.

– Послушай, Тамара, ты можешь делать все, что захочешь. Уйти, остаться, даже оскорбить меня... Я не знаю, что происходит сейчас в твоей голове и душе, но у меня единственное желание – помочь тебе.

– Но откуда в этой квартире может быть комната, как будто специально подготовленная для меня?

– Не специально, нет. Просто комната для гостей. Она на втором этаже. У меня квартира двухэтажная. Там есть все необходимое, даже своя ванная комната. Ты только скажи, и я наберу тебе воды. Согреешься, придешь в себя, успокоишься.

По щекам Тамары покатались слезы. Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Я обняла ее голову и прижала к себе, поцеловала в макушку. Бедная, подумала я, что же ей пришлось пережить, если она так напугана и в каждом человеке видит врага!

– Ты в порядке? – спросила я ее, когда она немного успокоилась.

– Да, извини... Не знаю, что на меня нашло... Просто никак не могу взять в толк, зачем я тебе нужна.

– Ты хочешь знать?

– Ну, да! Надеюсь, ты не... – Она не нашла в себе силы произнести это слово и ограничилась нейтральным: – У тебя с сексуальной ориентацией все в порядке?

– А-а-а... Да, все в порядке.

– А эта квартира твоя?

– Моя. Тамара, я тебе все расскажу, когда придет время. А сейчас, раз уж ты так нервничалась и тебя мучает вопрос, зачем я решила принять участие в твоей судьбе, я должна тебе ответить, прояснить ситуацию...

– Постой... Только не говори мне, что то, что ты рассказала мне про своего мужа... что ты его убила – правда?!

– Это был не муж... Мужчина... Я его убила. Случайно. И потом долгое время не могла избавиться от трупа... Послушай, это долгая история, и когда-нибудь я ее тебе расскажу... С тех пор прошел почти год, но меня просто замучили кошмары. Я ездила в Саратов к тетке, хотела забрать ее к себе, чтобы родной человек был рядом, а она встретила человека и уезжает вместе с ним в Германию. Все мои надежды привезти ее сюда улетучились. Меня прямо накрыло с головой... Я даже не помню, как я входила в купе... Вернее, помню, что увидела тебя, налепила на лицо улыбку и – вперед! А у тебя был такой вид... Несчастный, затравленный... Да, я видела, что тебе плохо, очень плохо, потом ты еще сказала, что только что вышла из тюрьмы, и все равно, я подумала, что тебе лучше, чем мне. У тебя уже все кошмары позади, а я в своих утонула, я живу в какой-то черноте, не сплю, кричу по ночам... К психиатрам не обратишься – они же попытаются залезть в душу, и в состоянии гипноза я могу проговориться... Я знаю, что вырулю, и мне просто нужно время. И, самое главное, мне надо, чтобы рядом со мной кто-то был. И я выбрала тебя. Подумала, что это судьба. Теперь все понятно? Еще неизвестно, кто из нас кому оказывает услугу: я – тебе или ты – мне.

– Ты врешь, – сказала она, как полоснула ножом.

– Тогда уходи.

Я набрала в легкие побольше воздуха и глубоко вздохнула. Вот почему, когда говоришь правду – тебе не верят. А когда врешь – принимают за чистую монету.

– Ты кому-нибудь еще это рассказывала?

– Нет.

– Ты больная, что ли? Видишь меня первый раз в жизни и признаешься в убийстве человека! Или ты меня решила подставить?

– Нет. Но если ты думаешь, что я на самом деле сумасшедшая или желаю тебе зла, то тебе лучше уйти. Прямо сейчас. И забудь обо мне.

– Помнишь, там, на перроне, когда мы только вышли из поезда, ты сказала мне, что у меня лицо самоубийцы. Зачем ты так сказала?

– У тебя был такой взгляд... Мне так показалось.

– А потом ты сказала, что тебя окружают здоровые, нормальные люди или что-то в этом духе... И где эти твои здоровые и веселые люди? Это твои друзья? Они знают, что ты убила человека?

– Нет...

– Но если ты не рассказала об этом своим друзьям, то почему тогда раскрылась мне?

– Просто раскрылась, и все. Подумала, что уж ты точно меня не сдашь – сама настрадалась. Ну, так что, мы так и будем задавать друг другу глупые вопросы? Или ты пройдешь наконец в квартиру, насладишься теплом и комфортом? Хватит уже, слышишь, хватит всех этих разговоров! – закричала я, сжимая кулаки и чувствуя, что погружаюсь в черное болото страхов. – Мне нужно время, чтобы прийти в себя! Помоги мне! Поживи здесь, со мной!

Я рассказала тебе все, чтобы расслабиться, чтобы не изображать счастливую и пресыщенную особу, а вести себя естественно. Мне станет легче, если ты будешь рядом. Если тебе нужно будет куда-то отлучаться, я легче переживу это, потому что буду знать, что ты скоро вернешься. Помоги мне, а я помогу тебе...

Я, слушая себя, представив себя на месте Тамары, подумала, что сама бы ни за что не согласилась на такое соседство. Что испугалась бы. Мало того, что эта бедная девочка оказалась в тюрьме, так теперь еще, едва очутившись на свободе, встретила какую-то странную особу, признавшуюся ей в том, что она убила человека.

— Ладно, иди, показывай, где тут у тебя ванная комната, — наконец сдалась она. — Вот смою с себя тюрьму и обиды, а после — хоть на казнь.

4. Тамара. Январь 2015 г.

Однажды наступает такой момент, когда молчать больше нельзя. Когда ты понимаешь, что нашел благодарного слушателя, которому можно рассказать все, без страха быть непонятым, разоблаченным или даже преданным.

Мне хотелось, чтобы моя история, рассказанная от первого лица, была услышана кем-то чужим, посторонним, и чтобы этот посторонний смог увидеть фрагмент моей жизни со стороны. Чтобы оценить и понять всю глубину пережитых мною чувств и переживаний. В сущности, человек, попав в сложную ситуацию, всегда желает этого – быть понятым, услышанным. Другое дело, поверят ли услышанному, чтобы дать верную оценку, пусть и субъективную?

История, которую следовало озвучить еще в поезде, под стук вагонных колес, была рассказана в московской уютной квартире, где после плотного ужина мы, чистые, в домашней одежде (Лариса подарила мне свою новую пижаму и свитер с носками) расположились в креслах.

– Я говорила тебе уже, что у него были синие глаза, – начала я свой рассказ, и голос мой дрогнул. Я вдруг увидела эти синие глаза, улыбку, эти губы, столько раз целованные мною. Что я наделала? Как могла я так с ним поступить? И к чему теперь все эти разговоры? – Синие глаза и черные волосы. Кожа его была смуглой, гладкой, нежной. Я бы все отдала, чтобы только увидеть его...

– Он жив? – перебила меня Лариса. – Жив? Скажи только: да или нет?

– Надеюсь, что да!

– Но если он жив, значит, увидишь! Даже если он спрятался от тебя в Гвинее-Бисау! Извини, что перебила. Больше не буду, молчок! – И она, состроив уморительную гримасу, приложила указательный палец к своим губам. – Ты не смотри, что я такая несерьезная. Просто иногда мне кажется, что мы сами себе придумываем проблемы! Поверь мне, многое, очень многое можно решить с помощью денег. Ладно, извини... Сама не знаю, зачем тебя перебила. Может, от того, что захотелось тебя сразу как-то успокоить...

– Я подцепила его в баре, вернее, это он меня подцепил. Он приезжий. Они с другом приехали в Саратов на рыбалку, друг увлекся какой-то женщиной и остался на острове, а Григорий, так зовут этого мужчину, проснулся в гостинице... Потом пошел в бар... Понимаю, это звучит легкомысленно, но мы с ним действительно познакомились в баре, после чего я привела его к себе домой. Он пробыл у меня сутки и уехал. И потом бывал у меня наездами, так продолжалось долго, почти целый год. Я ничего не знала о нем, а он, я думаю, обо мне. Перед его приездом я старалась сделать так, чтобы ему на глаза не попался ни один документ, где была бы указана моя фамилия...

– Бред. Зачем? У него жена, дети?

– Понимаешь, когда мы с ним встретились... У меня были до него мужчины, какие-то отношения, мы перезванивались, общались по Интернету... Это было нормально. И никому из моих знакомых не приходило в голову скрывать свои телефонные номера. А в этот раз все было по-другому. Я плыла по течению. Ничего не предпринимала, не инициировала, просто наслаждалась этим мужчиной, догадываясь, что его такое странное поведение не случайное, что у него есть какая-то причина скрывать от меня свою фамилию и все такое... Возможно, думала я, он какой-то важный чиновник или даже шпион! Наши свидания с ним были фантастичными! Он был нежен со мной, предупредителен, дарил подарки и даже оставлял деньги, чтобы я ни в чем не нуждалась.

– Деньги? Зачем? Ты же не проститутка! – резковато возмутилась, выпрямившись в своем кресле, Лариса.

– Однажды ему на глаза попались мои счета, там не было моей фамилии, только адрес... В другой раз он оказался свидетелем моего телефонного разговора с банковским работником, я задержала выплату по кредиту и объясняла, что скоро погашу задолженность... Ну, вот он и решил, что должен мне помогать.

– Ну, ладно, пусть, – снова обмякла, расслабилась, махнув рукой, Лариса. – В сущности, не всегда же мужчина должен платить именно проститутке. Деньги заметно облегчают жизнь и приличной женщине. Будем считать, что он поступил благородно, решив помочь тебе.

Я думала, она поймет то, что я ей рассказывала о наших отношениях с Гришей, но, оказывается, она только сделала вид, что поняла. Активная, энергичная и коммуникабельная Лариса, пока еще непонятным для меня образом достигая своего бросающегося в глаза благополучия, не могла взять в толк, как эта пара влюбленных не удосужилась обменяться телефонными номерами, не говоря уже о том, чтобы узнать фамилии друг друга.

Хотя, какая мне разница, как к этому относится Лариса? У нас было так, как было. И наши отношения, наша любовь, наши встречи не имеют к моей истории, в сущности, никакого отношения.

Все началось в тот день, когда я, вернувшись домой после работы, открыла дверь и поняла, что в квартире кто-то есть. Это было какое-то внутреннее чувство, а еще слабый запах чужих духов. Женских духов. Сердце мое колотилось, хотя видимых причин для волнения как будто бы не было.

Я вошла в гостиную и сразу же отшатнулась: на диване, свернувшись и поджав под себя ноги, спала женщина в черном коротком платье. Худенькая, стройная. Голые ноги, руки, скрытые лишь короткими рукавами – очень белые. Спутанные рыжеватые волосы.

Я стояла и не знала, что предпринять. Звонить в полицию? Или просто окликнуть ее? Мысль моя работала. Ключи. Мою дверь явно открывали ключами, поскольку замок не взломан, а запасные ключи были только у моей матери, которая уже давно проживала в Оренбургской области. Быть может, она дала ключи какой-нибудь своей деревенской знакомой, которой понадобилось приехать в Саратов? Но тогда почему она, спрашивается, не позвонила? Не предупредила?

– Девушка... – позвала я, осторожно приближаясь к дивану. – Вы слышите меня?

У нее были чистые розовые пятки, узкие, красивые. Не похожа она была на деревенскую девушку. Кто такая?

Я подошла поближе и коснулась рукой плеча девушки. Та вздрогнула, после чего стала медленно, словно в ожидании удара, поворачиваться. И когда я увидела ее лицо с примятой подушкой щекой и сонными глазами, сердце мое забилося еще сильнее. Слабая догадка легким крылом безумия осенила мои проснувшееся воображение и память. Нет, этого не могло быть.

Девушка несколько минут молча смотрела на меня, при этом лицо ее казалось застывшим, как маска. Потом, разлепив губы, она произнесла:

– Ну, привет...

Этот низкий, с хрипотцой голос. Эти золотистые волосы с оранжевым отливом. Эти зеленые глаза. Эта маленькая мушка-родинка над верхней губой, слева.

– Нина? – прошептала я, давась своей страшной догадкой. – Ты-ы-ы?!

Она улыбнулась, и вся комната вдруг осветилась мягким полуденным светом, и тяжелый груз упал с моей души.

– Тома... – и она потянулась ко мне, сжала меня в своих объятиях, поцеловала в щеки. – Сестричка моя.

Это была Нина. Моя родная сестра, погибшая на тот момент семь лет тому назад.

– Я думала, что такое только в кино бывает, – говорила я с трудом, чувствуя, как мое горло перехватило. – Мы же... мы похоронили тебя, мама тебя опознала... Тело на свалке... Где ты была, прошло столько лет!!

– Да так сразу всего и не расскажешь... – проговорила она, крепко держа меня за руки. – Тома. Моя Тома. Какая же ты стала... Красавица. Кто бы мог подумать...

– Ты не призрак? Ты мне не снишься? Так ведь можно и с ума сойти!

– Нет-нет, я не призрак. Я – твоя сестра Нина.

...Лариса смотрела на меня с недоверием.

– Ты хочешь сказать, что в комнате на диване была твоя повзрослевшая сестра, Нина? Сколько ей было, когда она как бы погибла? Когда ее тело нашли, как ты говоришь, на свалке?

– Семнадцать.

– Значит, когда она вернулась, а это случилось полтора года тому назад, ей было почти двадцать шесть?!

– Да.

– Очень интересно. Люблю истории про воскрешения. И фильмы тоже. И что было дальше?

– Я обрадовалась. И первой моей мыслью было позвонить маме.

... – Нет, погоди звонить. Все не так просто, как тебе может показаться.

– Нина, давай рассказывай! Где ты была все это время? Почему не позвонила? Не написала? Ты вообще – нормальная? Ты что, совсем нас не любишь?

– Почему не люблю? – замялась Нина, поудобнее устраиваясь на диване. – Очень даже люблю. Просто не хотела вас расстраивать... Ты, может, помнишь, у меня был парень, Сашка. Ну, такой, симпатичный, сероглазый, со светлыми волосами, он жил возле птицефабрики, приносил нам иногда цыплят... Вспоминай.

– Да, был такой, Саша. И что?

– А то, что мы с ним сбежали. Долго собирались, копили деньги, но потом он все-таки украл у родителей деньги, и мы поехали в Москву, договорились с проводницей.

– Почему сбежали?

– Вот, захотелось самостоятельной жизни. Сашка. У него были золотые руки, он был хорошим плотником, мог выпиливать по дереву... Он сказал, что мы с ним нигде не пропадем, и я поверила ему. Понимаешь, это была любовь. Первая, безумная, похожая на сумасшествие.

– Но позвонить-то она могла. Матери, сестре, – ненавязчиво, бормоча себе под нос, комментировала Лариса, слушая мой рассказ.

– Но не позвонила. Не сообщила. Она попала в очень нехорошую историю. Проводница, которая пустила их в свое купе, чуть ли не продала ее каким-то двум армянам. Но Нине удалось сбежать, она выпрыгнула на ходу с поезда, оказалась на какой-то маленькой стан-

ции, без денег, попросилась на ночлег к одной женщине и жила у нее, пока не родила девочку, которая умерла спустя неделю...

– И ты ей поверила?

– Конечно! Как тут не поверить, когда она сидела передо мной – живая и здоровая! Понятное дело, что с ней случилось что-то необычное, может, и криминальное, иначе она давно вернулась бы домой. Так я думала. А она, оказывается, понятия не имела, что мы с мамой ее похоронили. Предполагала, конечно, что мы ее ищем, но что на свалке нашли труп девушки с изъеденным собаками лицом, в котором мама опознала Нину, она не знала.

– Послушай, Тамара, с каждым словом эта история кажется мне все более неправдоподобной. Как это твоя мама могла опознать в чужом трупе свою дочь? Разве такое возможно?

– Значит, возможно! Понимаешь, мы с мамой сильно горевали по Нине, предполагали, конечно, что она могла уйти из дома, тем более что все чаще и чаще у них с мамой возникали ссоры из-за парней, с которыми Нина гуляла... Но потом все-таки мы решили, что с ней случилась беда. Что не могла она вот так взять и исчезнуть и не давать о себе знать. Думаю, что именно это и стало причиной, по которой мама так чудовищно ошиблась, когда приняла тело другой девушки за Нину. Просто она ждала чего-то такого, страшного... И когда ей позвонили и сказали, что нашли труп на свалке, что убитой девушке примерно шестнадцать-семнадцать лет, она, видимо, сразу настроилась на то, что это Нина... Учитывая, что лицо трупа было обезображено... Словом, получилось так, как получилось.

– Но это точно была Нина? В смысле та, что сидела перед тобой и рассказывала весь этот бред?

– Да что я, свою сестру, что ли, не узнаю? Она мало изменилась внешне, разве что расцвела, похорошела. Но была очень нервная, места себе не находила. Сначала отвечала на мои вопросы терпеливо, понимая, что я имею право знать о ней все, но потом вскочила и начала метаться по квартире. Она все время твердила, что не знает, что ей дальше делать, что ее, возможно, разыскивают, и что, если они найдут ее, то убьют или что-то в этом духе.

– Кто ее разыскивал-то? – губы Ларисы скривились в недоверчивой гримасе. – Кому она была нужна?

Я понимала Ларису, она была как раз тем самым независимым и внимательным слушателем, который мне был нужен. Ее комментарии, замечания, вопросы были мне просто необходимы, поскольку она в своих суждениях была объективна, нейтральна, и все услышанное представлялось ей именно так, как и могло представляться нормальному человеку.

Я же в тот момент, когда увидела перед собой ожившую сестру, ее рассказ проглотила, даже не сомневаясь в его правдивости. Причем чем невероятнее были описываемые ею события, тем больше я ей верила.

– Знаешь, Томочка, я вотнисколько не удивлюсь, если ты расскажешь мне сейчас, что твою сестру умыкнули инопланетяне, честно! – сказала Лариса, которую мой рассказ больше забавлял, чем интересовал.

– Нет, не инопланетяне, – огрызнулась я, уже начиная жалеть о том, что вообще начала рассказывать ей о своей сестре. – Но я больше тебе ни слова не скажу. Мне неприятно, что ты не веришь мне... Не Нине, а мне, как будто я все это придумала! Но разве ты не видела все эти ужасные репортажи из передачи «Жди меня», в которых шла речь о рабстве?! Это реальные истории реальных людей. Все мы заливались слезами, когда наблюдали за поисками героев передачи, особенно, когда эти поиски пропавших людей заканчивались долгожданной встречей! Разве не так? Чего ты молчишь? И в чем я виновата, если и моя сестра попала в плен? Да, представь себе, она была практически в рабстве!

Я-то думала, что уж после этих слов сердце Ларисы замрет в ожидании продолжения рассказа, что брови ее нахмурятся, и она проникнется судьбой моей сестры, но и здесь я ошиблась.

Лариса, держась за живот и заливаясь смехом, сползла на ковер и там просто корчилась от хохота. Слезы брызнули из ее глаз, она даже застонала от смеха и долго еще не могла успокоиться.

– Ты дура? – спросила я наконец взорвавшись и, не получив ответа, решительно вышла из комнаты.

– Уж лучше бы это были инопланетяне!!! – услышала я вдогонку.

5. Григорий. Январь 2015 г.

Мою жену звали Лида. Познакомились мы с ней больше десяти лет тому назад на дне рождения моего друга, Макса, я проводил ее, потом мы начали встречаться. Она была старше меня на восемь лет. Красивая, яркая, умная, она поначалу довольно-таки успешно играла роль покорной и заботливой жены, но после того, как я купил дом в двадцати километрах от Москвы, в деревне Чиверово, в Мытищинском районе, она как-то сразу изменилась. Перестала варить мне кофе по утрам, готовить еду, нашла женщину лет пятидесяти, Зою, чтобы та занималась всеми домашними делами.

– Вы как думаете, Зоя, что происходит с моей женой? Ей не понравилось, что я купил дом в деревне? Но это не дом, почти дворец, чего ей еще надо?

Подобные полусушутливые вопросы были, как правило, началом долгих вечерних разговоров с нашей домработницей, когда я, вернувшись с работы домой и не обнаружив жены, садился ужинать.

– Я же говорила вам, что дело не в том, что вы купили дом именно в деревне, а в том, что Лида теперь как бы успокоилась, понимаете? – Зоя излагала свои мысли ясно, без обидных, правду выдавала большими порциями и жестко. – Вы вложили в этот дом большие деньги, вы, Григорий Яковлевич, заработали этот дом, но в случае развода половина этой стоимости будет принадлежать ей, вашей жене. Вы не можете этого не понимать.

Поначалу я не обращал внимания на слова Зои, считая ее склонной к преувеличениям. И вообще, полагал, что она слишком мрачно смотрит на мир, во всем ищет зло, предательство, обман.

– Типун вам на язык, Зоя! – говорил я обычно в таких случаях. – Вы же знаете, что у нас с Лидой все хорошо. Вы работаете у нас, видите нас каждый день, живете, наконец, в нашем доме! Повторяю, у нас все хорошо! Я думаю, что проблема моей жены заключается в том, что ей здесь просто скучно. Когда мы жили в Москве, она часто встречалась со своими подругами, они постоянно куда-то ходили, общались, ездили друг к другу в гости или на дачу. А тут она просто растерялась... Да еще и с Машей поссорилась...

Маша – это наша соседка.

– Да при чем здесь Маша!

– Ну, как, у нее дети, а Лида никак не может забеременеть... Думаю, что в этом все дело. Раньше-то постоянно друг к другу бегали, не могли дня прожить, чтобы не поговорить, а сейчас между ними, как кошка пробежала...

– Говорю же, Машка тут ни при чем, хахаля она себе завела, ваша Лида, – однажды, не выдержав, взорвалась Зоя. – Вы слепой, что ли? Она дома не ночует, а вы все защищаете ее, придумываете каких-то подруг, вместо того, чтобы поглядеть правде в глаза... Она ведет себя, как тварь неблагодарная, а вы даете ей деньги, покупаете кольца и шубы. Я вот никак в толк не могу взять, вы что, мужики, все такие: чем хуже к вам относится женщина, тем вы ее, получается, больше любите и цените?

– Зоя, прекратите говорить глупости! У вас вот все так: либо черное, либо белое.

– А у вас, Григорий Яковлевич, все вообще в розовом цвете! Снимите розовые очки, оглянитесь, наймите, наконец, частного детектива, который принесет вам доказательства неверности вашей жены. Если вы не видите очевидных фактов, то я-то вижу. Она уже не ваша! Вот помните, вы ездили со своим другом... ну, вы еще Лидии Николаевне сказали, что летите в Питер, в командировку, а сами отправились на рыбалку, я вам еще снасти в тайне от Лидии Николаевны покупала, крем от комаров... В Саратов, помните?

– Скажите, Зоя, а вы и с Лидией Николаевной вот так же откровенно разговариваете и все ей докладываете, и про рыбалку, и про крем от комаров? Что я в Саратов поехал, а не в Питер?

– Ну зачем вы так?! Вы же так говорите, чтобы меня позлить, ведь неприятно, больно, что я вам про вашу жену такое говорю! Да неужто я не понимаю, что и вам тоже отдохнуть нужно, развеяться. Вы очень много работаете, я все вижу, а она, Лидия Николаевна... Да я всегда была и буду на вашей стороне!

Возможно, если бы я любил Лиду, то моя реакция на слова Зои была бы совершенно другой. А так, мне просто хотелось знать, что в моей семье все в порядке, что моя жена, даже если и не любит меня, то, во всяком случае, уважает. Словом, мне просто нужно было, чтобы хотя бы внешне наша семья выглядела благополучно. Я жил среди людей, и мне не все равно, что обо мне говорят, думают. И я не верю тем, кто говорит обратное. Если даже, думал я, у Лиды действительно появился поклонник или любовник (тем более что я слышал об этом уже не первый раз), так пусть мне сама признается. Решим вопрос, разведемся спокойно, без сцен. Да, я искренне полагал, что когда-нибудь именно так и случится. И, как цивилизованные люди, мы сможем общаться с Лидой и после развода, так делают многие пары. Но так я мог полагать лишь до тех пор, пока не встретился с Тамарой, пока не узнал вкус настоящего чувства...

Вернувшись из Саратова с глубоко запрятанной в душе тайной, я теперь уже с опаской поглядывал на Зою, с ужасом представляя себе наш с ней разговор после того, как она каким-то своим, женским чутьем догадается о том, что и у меня есть что скрывать от Лиды.

Хотя у меня и до Тамары была одна небольшая тайна, которая в отличие от саратовской была стыдной, неприличной. И не потому, что женщина, с которой у меня случилась интрижка, оказалась недостойной, напротив, она была чудесной, чистой, но находилась в браке и воспитывала детей, к тому же она была женой моего друга, и жили они по соседству от меня, в доме напротив.

Мы тогда только переехали в Чиверово, Лида, как ребенок, радовалась новой обстановке, в каком-то счастливом ажиотаже выбирала в магазинах мебель, шторы, посуду и часто повторяла, что и мечтать не могла о таком большом доме. Через несколько дней после нашего переезда мы познакомились с соседями, ровесниками, Денисом и Машей Синельниковыми. Денис купил свой дом три года тому назад, и за это время они помимо того, что успели родить двух прелестных мальчуганов-погодков, еще и вырастили молодой сад. Поэтому их участок выглядел более обжитым, ухоженным, зеленым. Лида быстро подружилась с Машей и, следуя ее советам, принялась выписывать из питомников саженцы деревьев и кустарников, рассаду цветов. Правда, очень скоро ей это занятие надоело, и уход за садом лег на плечи появившейся довольно скоро в нашем доме Зои.

Первые месяцы мы ходили друг к другу в гости, особенно наши визиты участились в первую зиму нашего пребывания в Чиверово, когда деревню заметал снег, было холодно, и мы все свободные вечера проводили вместе, то у нас на кухне, то в большой гостиной наших друзей у пылающего камина. Мы играли в карты, пили чай с коньяком, и вот так чудесным образом перезимовали.

Мы с Денисом каждое утро уезжали в Москву, на работу. Денис занимался недвижимостью в фирме своего тестя и собирался открывать собственную риелторскую контору. Моя строительная фирма, которая как раз в том году открыла свой филиал в Питере, практически сразу же получила подряд на строительство медицинского центра, и я был очень занят. Дела у обоих шли хорошо, и хотя работа отнимала много времени и сил, мы с Денисом

все равно часто встречались. Это вошло уже в привычку, и мы были рады, что наши жены тоже дружат.

Я не сразу заметил, какими глазами на меня смотрит Машенька, как старается угодить мне за ужином, при удобном случае прикоснуться ко мне.

Открылась же она мне только спустя полгода, теплым весенним вечером, когда мы все собрались у нас на шашлыки. Когда моя Лида, закутанная в шаль, сидела на лужайке перед домом и следила за тем, как Денис жарит мясо, а Маша на нашей кухне заваривала чай с травами.

Я пришел на кухню за вином, и вот там, в безопасности, поскольку из кухонного окна хорошо просматривалась лужайка с нашими половинками, Маша и обняла меня, прижалась ко мне всем своим телом и поцеловала, застигнутого врасплох, в губы. Она вся дрожала, но держала меня крепко, словно поймала и теперь выпивала из меня всю силу. Потом отпрянула от меня, закрыла лицо руками:

– Люблю тебя, Гриша, не знаю, что делать... Как увижу, просто схожу с ума. А Лидка тебя не любит, у нее мужик есть в Москве, она сама мне рассказывала, замуж она за него собирается, он старше ее лет на двадцать, очень богатый и вообще известный человек... Она тебе рожать не станет, а ему родит, все к этому идет... Поцелуй меня, прошу тебя...

От этой маленькой хрупкой женщины исходила такая мощная сексуальная энергия, что я растерялся. Передо мной была Маша, моя соседка, мать двоих очаровательных малышей, и я совершенно не испытывал к ней никаких чувств. К тому же она была женой моего друга Дениса, что уже делало ее в моих глазах неприкосновенной.

– Хочешь узнать о своей жене? Выходи сегодня ночью в сад, в половине двенадцатого. Денис к этому времени будет крепко спать, вот и поговорим. Я покажу тебе фотографии, расскажу много чего интересного о Лиде...

– Ну ладно, – как-то сразу, быстро согласился я, желая, чтобы Маша поскорее забрала чайник и вернулась на лужайку. Кто знает, на что она была способна, может, набросилась бы на меня, как кошка, а в это время в дом зашел бы Денис или Лида.

Целый вечер я думал о Лиде, почему-то представляя ее рядом со стариком в смокинге, с аккуратно подстриженными седыми волосами. Видел я ее уже и беременной от этого старика и спрашивал себя, как можно вести параллельно две жизни, как можно обманывать меня, мужа, от которого она видела исключительно доброту и заботу. Предполагал и то, что Маша все это придумала, чтобы рассорить нас, а потому решил все же выйти ночью в сад, встретиться с Машей, чтобы дать ей возможность представить мне доказательства измены моей жены.

Я прошел по лунной дорожке до зарослей сирени и тут увидел ее, Машу...

Сам не знаю, как все вышло.

...Очнулся я уже на траве, Маша сидела рядом и курила. Никогда прежде не видел, чтобы она курила. Залитая лунным светом, сидела она с голыми плечами и коленями, притихшая, молчаливая. Волосы ее светлые растрепались...

Я встал, оделся и пошел в дом.

Я шел по молодой траве и спрашивал себя, знал ли я, что никакого рассказа о Лиде не будет, что Маша просто заманила меня на ночное свидание в саду. Знал, вернее, предполагал, чувствовал, но все равно пошел. Как если бы меня пригласили выпить вина, и я не отказался.

Украл чужое наслаждение, обманул друга, осквернил нашу дружбу – вот что натворил я тогда в саду.

И после этого я стал сторониться Маши, под разными предлогами отказывался идти к ним в гости, а уж к себе-то и подавно не звал.

Но я все равно чувствовал близкое Машино присутствие, мне казалось, что она где-то совсем рядом. Она звонила мне, но я не отвечал. Она следила за мной из своего окна. Она любила меня, а я уже любил другую женщину и больше всего боялся, что наша с ней любовь растворится в суете будней, которые я проживал с разлюбившей меня супругой, все дальше и дальше отдалявшейся от меня.

И кто бы мог предположить, что моя тайна, моя сладость, мое счастье оборвутся вот так неожиданно и грубо, и что вместо того, чтобы, радуясь полученному наконец-то разводу с Лидой, строить свою новую жизнь с Тамарой, я буду ездить к ней в Ивановскую колонию, где мне каждый раз будет сказано: «Осужденная Осипова отказывается от свидания».

...Я дремал на диване под звук работающего телевизора, когда мне позвонили. Это был мой адвокат, Дмитрий Борисович Коробко. Полтора года моего вынужденного одиночества, усугубленного к тому же еще и чувством вины перед Тамарой, он, как мог, поддерживал меня и делал все, чтобы ее пребывание в колонии было не таким тяжелым. Это его усилиями мы добились того, чтобы за ней там присматривали, не давали в обиду (для этого были куплены две охранницы и осужденная по имени Люба, дама в авторитете, которая и без того симпатизировала Томе), чтобы в случае болезни ее реально лечили в медсанчасти, словом, всеми возможными способами старались облегчить ее жизнь в этом аду.

Единственно, что мы с ним так и не сумели сделать, это добиться моего свидания с ней – Тамара отказывалась встречаться со мной. Дима Коробко, ставший по моей просьбе ее адвокатом, был в этом отношении более счастливым. Тамара была вполне здравомыслящим человеком, и никакие ее жизненные принципы или упрямство не могли помешать ей встретиться с адвокатом, который мог бы реально помочь ей с условно-досрочным освобождением.

- Ее выпустили, – услышал я и моментально проснулся.
- Когда?
- Два дня тому назад.
- Почему тебя не предупредили? Как это произошло? Ты что, мало им денег дал?
- Думаю, что наоборот... Как-то быстро все решилось.
- Дима, и где ее сейчас искать? Ты что-нибудь знаешь?
- Нет. Ничего.
- Ты можешь сейчас приехать?
- Хорошо.

Ей дали три года. Сколько усилий и средств было потрачено на то, чтобы ее выпустили досрочно, и вот теперь, когда она на свободе, через полтора года, я, вместо того чтобы обрадоваться, места себе не находил! Уж если она отказывалась встретиться со мной, находясь в колонии, то вряд ли захочет встречаться со мной!

– Дима, мы должны ее найти. У нее нет ни денег, ни дома, ничего, – открыв дверь Диме, начал я говорить с порога. – Единственное место, где бы ее могли принять, это дом ее матери в Холодных Ключах. Ты как думаешь?

– Гриша, успокойся. Надо все хорошенько обдумать. Понимаешь, ее поведение... Ты пойми, мы же с ней много раз встречались, разговаривали. Она утверждает, что невиновна, что ее подставили.

- Господи, Дима, ну что мы стоим в дверях, ты проходи, проходи. За рулем?

– Нет, я на такси. Когда ты позвонил, я уже выпил пару рюмок, Рита такое мясо приготовила, грех было не выпить...

– Вот и отлично. Пойдем на кухню, у меня тоже кое-что есть... Конечно, это тебе не Чиверо, и Зои здесь нет, но колбаска у меня очень даже ничего. И сырок имеется.

– Да, давненько не был я в твоей деревне... Дом так и стоит пустой?

– Зоя за ним присматривает. Конечно, это плохо, что в доме не живу, все никак не доберусь до него, все дела какие-то...

– А что Лида? Успокоилась? Я о твоём доме... Как же хорошо, что вы его не продали!

– Дом-то не продал, но родительскую квартиру на Цветном бульваре я ей отписал, сам знаешь... Хорошо, что у меня еще эта была, а то где бы в Москве жил? В Чиверо не наездишься.

– Так что Лида, родила?

– А я тебе не говорил? Двойню родила, живет рядом с метро «Аэропорт» со своим новым старым мужем, с Кузнецовым, вроде бы счастлива.

– Неужели это тот самый Кузнецов?

– Да, это он. Насколько я понял, он друг ее отца, вот, собственно, откуда все тянется... Он вдовец, нашел Лиду, ну а дальше тебе известно...

– Не понимаю я этих баб. Честно. Ведь первая гулять начала, а когда ты попросил у нее развода, заартачилась, почему?

– Так недолго артачилась. Скорее просто так... как бы почувствовала, что и у меня тоже кто-то есть, приревновала.

– Ревность? Странно...

– Понимаешь, одно дело, если бы она первая заговорила о разводе, а тут я ее опередил. А может, к тому времени у нее отношения с этим Кузнецовым осложнились, может, это был как раз такой период, когда она ждала от него каких-то поступков, предложения, а он не особенно-то и торопился или просто в этих вопросах нерешительный. Вот как я, к примеру. Да только он все успел, и жену мою прибрать к рукам, и детей они родили, а я все потерял...

– Ничего ты не потерял! Успокойся. Надо хорошенько во всем разобраться.

– Да чего тут разбираться. Все в игрушки играл, как-то несерьезно ко всему отнесся, а ведь она, Томочка моя, – живой человек. Попала в лапы к мошенникам, жилья лишилась. Если бы она знала, где меня искать, позвонила бы, я бы примчался, помог, а так... Получается, что у нее никого, кроме меня, и не было.

– Все равно она вела себя как-то неестественно. Ну, хорошо. Не дал ты ей своего телефона и адреса. Пусть. Но потом-то, когда мы ее нашли, когда ты начал заботиться о ней, отправлял посылки и все такое, она, если бы любила, простила бы тебе такую мелочь, как номер телефона... Главное, что ты ее нашел, что не бросил, что адвоката своего к ней отправил. Мы с ней много разговаривали, я же пытался объяснить ей, как ты страдаешь, как раскаиваешься, а она те письма, что ты ей отправлял, рвала в клочья прямо на моих глазах. Что это? Откуда такая ненависть? Или?.. Ведь рвала и плакала. Что между вами случилось, чего ни ты, ни я не знаем? Может, она была беременна от тебя?

– Не знаю... Но если это так... Думаешь, она сделала аборт? Господи, мне это даже в голову не могло прийти!

– Я не знаю, Гриша. Но на что-то она сильно обижена и никак не может тебя простить. Эта ваша игра, ваше желание жить как бы изолированно от общества были для тебя развлечением, ты заполнял свое свободное время живой, влюбленной в тебя женщиной, в то время как для нее эти отношения могли быть оскорбительными.

– Что-о-о? – Я не поверил своим ушам. Дима повторял слова Бориса Дворкина – слово в слово. Неужели именно так выглядит мой роман с Тамарой со стороны? – Оскорбительными? Да я ее любил, боготворил, я осыпал ее подарками, нам было вдвоем хорошо...

– Ты предупреждал ее о своих визитах?

– Не всегда, а зачем? Я приезжал к ней вечером, зная, что она меня ждет, что она дома, и наши встречи с ней были... как праздник!

– Как часто ты ее навещал?

– Когда как. Системы в наших свиданиях не было и не могло быть. Действительно, когда появлялось свободное время, день-два, я прилетал к Тамаре и старался, чтобы это была пятница, ведь она работающий человек...

– Хорошо, что ты хотя бы это помнил. А ты когда-нибудь задумывался над тем, что она, молодая девушка, все вечера в ожидании тебя проводила дома! Что она не могла выйти вечером, чтобы прогуляться, сходить в кино или, скажем, встретиться с подругой. Ведь вы не могли позвонить друг другу или предупредить о чем-то. Она была полностью подчинена твоей воле, зависела от тебя. И не рвала с тобой этих унижительных отношений из страха потерять тебя.

– Ты слышишь себя, Дима? Значит, эти отношения были для нее унижительными? Я душу тебе открыл, рассказал о том, как прекрасны были наши встречи, а ты мне тут доказываешь, что Тамара как будто тяготилась нашими отношениями, что подразумевает, что она не любила меня и в то же время боялась меня потерять. Где логика?

– Да понимаю я все... Просто я попытался сейчас найти для тебя какие-то контрдоводы, понимаешь? Чтобы понять мотивы поведения Тамары. Полтора года отказывать тебе в свиданиях, и это, находясь в тюрьме? Редкий человек способен на такое. Получается, что она тебя, старик, просто разлюбила. И произошло это как раз в тот момент, когда она поняла, что не может на тебя рассчитывать, что она для тебя – развлечение, не больше.

– Да нет же!

– Скажи, вы говорили с ней о будущем?

– Как бы тебе это объяснить... Думаю, что да, но не о чем-то конкретно, просто, когда мечтали о путешествиях, то я всегда говорил «мы»... Или когда понимали, что наши вкусы совпадают, когда я, рассказывая о своем доме, к примеру, спрашивал ее, как бы она обставила нашу спальню, гостиную... Конечно, это были такие... легкие, что ли, разговоры... Ты прав, они не давали надежду, я был очень осторожен.

– Она ведь ничего о тебе не знала.

– Ничего.

– Ни о том, что ты женат, даже не знала, что ты живешь в Москве.

– Нет. Даже Дворкин, ну, ты его знаешь, думал, что я живу в Питере. Он нашел билет из музея Набокова в Питере и решил, что я оттуда... Дима, я запутался. Думаю, что эту схему поведения я не сам придумал. У меня перед глазами был пример. Мой отец. У него тоже была любимая женщина, она жила в другом городе, куда он время от времени навещался. Я был уже взрослый, все понимал, и меня тогда больше всего волновало, чтобы об этом романе отца не узнала мама. Я понимал, что мои родители уже давно стали друг другу чужими людьми, что каждый живет своей жизнью, но внешне они старались вести себя так, словно у них все хорошо. Они так же ходили в гости к своим друзьям, у нас тоже бывали гости, мы все вместе отмечали дни рождения, праздники, пили за любовь, регулярно отмечали годовщины их свадьбы, понимаешь? Уверен, что так живут многие. Создают видимость нормальной семьи. И вот тогда, в тот период, когда у отца этот роман был в самом разгаре, он и поделился со мной... Помню, это было на даче, мы с ним выпили, сидели на веранде, мама осталась в городе, думаю, что и у нее тоже был кто-то... Вот тогда отец и рассказал мне о своей любимой женщине. Сказал, что она умнейшая женщина, не задает ненужных вопросов, не пытается заглянуть в будущее, не строит совместных планов, и все потому, что она ничего не знает о нем, моем отце, даже не знает, в каком городе он живет. Тогда уже появились мобильные телефоны, но отец не считал нужным сообщить ей номер,

не говоря уже о домашнем телефоне. Он оберегал свою настоящую, в общем-то, несчастливую жизнь от женщины, которую боготворил, любил, на встречу к которой собирался, как на праздник.

– И чем этот роман закончился? Надеюсь, она не исчезла так же, как твоя Тамара?

– Там другая история. Настоящая драма. Моя мама неожиданно ушла от отца, она первая решилась на поступок... И ушла она к моему дяде, Саве, родному брату моего отца, и это было для нас настоящим шоком. Получается, что она все эти годы любила дядю Саву, они встречались... Мой отец переживал это двойное предательство очень тяжело, даже слег в больницу. Что же касается его дамы сердца, ее, кстати, звали Валентиной, то она благополучно вышла замуж за одного своего старинного приятеля и родила сына. Мальчик, как ты понимаешь, мой брат. И зовут его так же, как и моего отца, Яша.

– И ты после всего этого не сделал должных выводов? Разве ты не понял, что твой отец обрек эту Валентину на одиночество? Ведь она, любя твоего отца, вышла замуж за человека, которого явно не любила...

– Зато он любил ее, по-настоящему. И оказался настоящим мужиком, раз женился на ней, беременной от другого мужчины.

– Получается, что твой отец не любил ее по-настоящему? Так? Выходит, что и ты тоже не любил Тамару. И все эти полтора года твоей заботы о ней можно расценивать как попытку искупить свою вину перед ней?

– Глупости! – вскричал я, чувствуя, как мое чистое и сильное чувство к Тамаре пытаются представить банальной связью. – Нам бы только встретиться, поговорить, я уверен, что она бы простила мне все, тем более что я никогда ее не предавал, я продолжал любить ее... Другое дело, что кто-то узнал о нашем с ней романе, и ты, Дима, не можешь этого отрицать. И этот кто-то хотел причинить мне боль, сильную боль. Думаю, этот человек оклеветал меня в ее глазах, представил настоящим монстром...

– И кто этот человек? Кто мог пожелать тебе зла? Ведь для того, чтобы организовать эту жесткую подставу Тамаре, чтобы упечь ее за решетку, нужны деньги, время и огромное желание. Надо же было как-то заставить эту женщину, Иванову, согласиться принять участие во всем этом спектакле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.